

На правах рукописи

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович

**НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ МОДЕЛИ
ФАТИЧЕСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ВОПРОСНО-
ОТВЕТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ РЕЧИ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород — 2020

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и общего языкознания ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Радбиль Тимур Беньюминович

Официальные оппоненты:

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», кафедра теоретической и прикладной лингвистики, заведующий кафедрой, декан факультета филологии и медиакоммуникаций;

Соколова Ольга Викторовна, доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, научно-образовательный центр теории и практики коммуникации имени Юрия Сергеевича Степанова, старший научный сотрудник

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «НИУ «Высшая школа экономики» — Нижний Новгород»

Защита состоится «25» 12.20 в 11 на заседании диссертационного совета Д 999.061.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 — и на официальном сайте <http://diss.unn.ru>

Автореферат разослан «13» 10 2020 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено комплексному анализу фатических диалогических вопросно-ответных единств в современной русской речи в свете проблемы национальной обусловленности моделей речевого взаимодействия.

Диалог является исходной, первичной формой существования языка, поэтому именно в диалогической речи заложены все основные принципы и закономерности языковой деятельности, которые мы наблюдаем в других формах существования языка и его речевой реализации. Изучение разных аспектов диалогического взаимодействия между людьми началось еще в рамках риторической парадигмы в античности и продолжалось в той или иной форме на протяжении всей истории развития человеческой мысли.

В наши дни проблемы диалога также находятся в центре притяжения самых разных отраслей гуманитарного знания — философии, психологии, социологии, культурологии, литературоведения и т.д. И в лингвистике сегодня говорят о становлении нового междисциплинарного направления — диалоговедения, науки о диалоге. Современные исследования диалога включают в себя и анализ внеязыкового окружения диалога, контекста и ситуации в широком смысле слова, т.е. с необходимостью носят комплексный характер, обусловленный сложностью и многомерностью самого объекта изучения.

Вне всякого сомнения, базовые принципы и модели диалогического взаимодействия представляют собой коммуникативные универсалии и не зависят от особенностей национальных языков и культур. В то же время вполне обоснованным выглядит и положение, согласно которому диалогический дискурс в какой-то мере отражает национальные и культурные различия, имеет определенные черты этнообусловленности, что уже достаточно давно известно, например, в преподавании иностранных языков, в теории и практике кросс-культурной коммуникации и т.д. Это обуславливает важность принятого в работе комплексного описания особенностей ведения диалога именно в русском национальном социокультурном пространстве.

Таким образом, становится очевидной **актуальность исследования**, которая заключается в существенной научной и общекультурной значимости комплексного и междисциплинарного изучения национально обусловленных моделей речевого взаимодействия в свете востребованных в научной парадигме современной гуманитаристики антропоцентрического, коммуникативно-прагматического, когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического подходов.

Начиная с пионерских работ Р.О. Jakobsona, Т.Г. Винокур и др., в теории диалога последовательно разграничивают две базовые разновидности речевого взаимодействия — **информатику**, имеющую своей задачей обмен содержательной информацией между участниками диалога, и **фатику**, ориентированную прежде всего на установление межличностных отношений между собеседниками [Jakobson 1975 и 1985; Винокур Т. 1993б и др.]. Предполагается, что именно в области фатических диалогических интеракций наибольшим образом отражаются национально обусловленные формы речевого общения людей. Указанные соображения позволяют сформулировать объект, предмет, цель и задачи предпринятого исследования.

Объектом исследования является фатическая диалогическая коммуникация в речевых практиках носителей современного русского языка. В качестве непосредственного **предмета исследования** выступают национально обусловленные особенности актуализации фатических диалогических вопросно-ответных единств в современной русской речи.

Цель исследования — осуществить комплексный анализ национально обусловленных моделей фатических диалогических вопросно-ответных единств в кооперативной, конфликтной и манипулятивной коммуникации, актуализованных в русской речи.

Указанная цель предполагает решение следующих **задач исследования**:

- изучить существующие в науке о языке подходы к интерпретации речевого взаимодействия, историю изучения и теоретические принципы иссле-

дования диалога, диалогического единства, языковых и паралингвистических средств диалогической коммуникации;

- исследовать имеющиеся методы, методики и процедуры теоретического и прикладного изучения диалога, в том числе в лингвокультурологическом освещении, и на этой основе выработать методику комплексного анализа национальной обусловленности диалогического взаимодействия;

- разграничить теоретические понятия национальной специфики и национальной обусловленности и на этой базе обосновать концепцию работы;

- охарактеризовать структурно-семантические типы национально обусловленных моделей фатических вопросно-ответных единств, в том числе разновидности инициальных и реактивных реплик, а также прагматические типы диалогического взаимодействия в целом;

- проанализировать функциональные разновидности фатических вопросно-ответных единств в аспекте национальной и культурной специфики: вопросно-ответные единства регулятивного и метакоммуникативного типа, «псевдо-тавтологические» вопросно-ответные единства;

- охарактеризовать национально обусловленные модели вопросно-ответных единств в разных видах диалогического дискурса: в фатической кооперативной коммуникации и в фатической некооперативной (конфликтной и манипулятивной) коммуникации.

Материал исследования. Источником языковых материалов являются данные Национального корпуса русского языка; языковые образцы, полученные в результате интернет-мониторинга автора в русскоязычном сегменте сети интернет; картотека собственных наблюдений автора за русской живой разговорной речью.

Объем и характеристика обследованного материала. Всего в текстовых материалах исследовано 1008 примеров вопросно-ответных единств, полученных методом сплошной выборки из указанных выше источников текстового материала. В основном в собранном материале представлены вопросно-ответные единства из реальной живой спонтанной разговорной речи

(в том числе в неформальной интернет-коммуникации) или имитирующие живую спонтанную разговорную речь в художественном, публицистическом и пр. дискурсах. Незначительная часть материала включает в себя данные интервью, бесед, круглых столов и под. в медийном дискурсе.

Степень изученности вопроса. В отечественной и зарубежной лингвистике имеется серьезная научная традиция в изучении самых разных аспектов диалога, в том числе в контексте его внеязыкового окружения. Диалог изначально привлекал внимание философов, психологов, социологов, литературоведов и прочих представителей гуманитарных наук, однако собственно лингвистическое изучение диалога началось сравнительно недавно, в начале XX в. В отечественной лингвистической традиции научное изучение диалога заложено в 1920-е гг. работами Л.В. Щербы [Щерба 1915], Л.П. Якубинского [Якубинский 1986], М.М. Бахтина [Бахтин 1979, 1986а и 1986б] и др., которое получает новый импульс с конца 40 – начала 50-х гг. XX в. благодаря работам Г.О. Винокура [Винокур Г. 1959], Н.Ю. Шведовой [Шведова 1956], Е.М. Галкиной-Федорук [Галкина-Федорук 1958], В.В. Виноградова [Виноградов 1980] и др..

В целях нашего исследования важным представляется фундаментальное различие диалогов по характеру интеракции на диалог **фатический** и **информативный**. Фатическая и информационная стороны в диалоге противопоставлены посредством того, делается ли акцент на контакте или на информации [Якобсон 1975 и 1985; Винокур 1993б; Клюев 1996]. Центральной единицей диалогического взаимодействия признается диалогическое единство. Из всего разнообразия структурно-семантических типов диалогических единств мы, в целях нашего исследования, подробнее остановимся на дву-членном вопросно-ответном единстве как одной из базовых разновидностей единиц коммуникации [Святогор 1967; Винокур Т. 1998; Арутюнова, Падучева 1985; Борисова И. 2009; Масленников 2017 и др.].

В целях нашего исследования важно, что примерно с конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. в рамках становления антропоцентрической парадигмы в

гуманитарном знании активизируется и лингвокультурологический аспект в изучении диалога [Гольдин, Сиротинина 1993; Арутюнова 1995; Дементьев 2013; Матвеева 2014; Радбиль 2017 и др.].

Несмотря на интересные и значительные научные результаты, представленные в трудах ученых, которые стояли у истоков формирования направления исследований в области национальной обусловленности речевого общения, в интересующем нас ракурсе изучение национально обусловленных моделей фатических диалогических вопросно-ответных единств в отечественном социокультурном пространстве еще не проводилось.

Научная новизна исследования, таким образом, состоит прежде всего во введении в научный обиход нового предмета для научного анализа — национально обусловленных моделей фатических диалогических вопросно-ответных единств, и в обосновании комплексного подхода к описанию явлений речевого взаимодействия разных структурно-семантических, функциональных и коммуникативно-прагматических типов в фатической кооперативной и некооперативной (конфликтной и манипулятивной) коммуникации.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании, уточнении и апробировании на значительном текстовом материале основных принципов комплексного описания национально обусловленных особенностей диалога в дискурсах разного типа, представленных в речевой практике современных носителей русского языка.

Практическая значимость исследования связана прежде всего с возможностью применить его результаты в вузовских курсах преподавания современного русского языка и русского языка как иностранного, в теоретических курсах по лингвистической прагматике, теории коммуникации, когнитивной лингвистике и дискурс-анализу, в спецкурсах по лингвокультурологии, сопоставительной лингвистике и лингвистическому диалоговедению.

Методологической основой исследования являются теоретические принципы структурно-семантического, функционального, коммуникативно-прагматического и когнитивно-дискурсивного изучения диалога, представ-

ленные в работах Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Дж.Р. Серля, Г.П. Грайса, Т.Г. Винокур, Н.Ю. Шведовой, Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, В.З. Демьянкова, Т. ван Дейка, Е.Н. Ширяева, А.Н. Баранова, Л.Л. Федоровой, О.С. Иссерс и др., идеи лингвокультурологического анализа фактов языка и текста в трудах А. Вежбицкой, Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, В.В. Красных, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева, В.В. Дементьева, Т.Б. Радбиля и др.

Методы и методики исследования. В работе использована комплексная методика анализа явлений речевого взаимодействия, включающая элементы методов структурно-семантического описания, функционального анализа, коммуникативно-прагматического анализа, когнитивного анализа и дискурс-анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Существующие подходы к изучению речевого взаимодействия должны быть органично дополнены лингвокультурологической составляющей, посредством которой можно исследовать национально обусловленные модели фатической диалогической коммуникации в речевых практиках носителей русского языка.

2. Необходимо теоретически разграничивать понятие *национальной специфики* явлений языка и речи, состоящей в их когнитивной, коммуникативной или вербальной уникальности, т.е. в отсутствии их прямых соответствий в других лингвокультурах, и *национальной обусловленности* указанных явлений, заключающейся в их укорененности в области каких-либо ключевых идей национальной языковой картины мира, независимо от того, имеют ли данные явления соответствия в других языках и культурах или не имеют.

3. Адекватное описание национально обусловленных моделей фатической диалогической коммуникации в речевых практиках носителей русского языка может быть осуществлено только посредством методики комплексного анализа, направленной на исследование структурно-семантической и функциональной организации диалога в контексте его внеязыкового окружения, с

применением научного инструментария лингвистической прагматики, когнитивной лингвистики и дискурс-анализа.

4. Структурно-семантические и прагматические разновидности фатических диалогических вопросно-ответных единств имеют национально обусловленные особенности, связанные с доминированием коммуникативных тактик «выхода на метауровень», когда коммуникантов интересует не объективная ситуационная сторона речевого общения, а выражение своего настроения, отношения к собеседнику или ситуации в целом, обсуждение самой манеры ведения диалога.

5. С функциональной точки зрения правомерно выделять три типа вопросно-ответных единств: регулятивные, метакоммуникативные и синкретичные, «псевдо-тавтологические», которые отражают такие национально обусловленные черты, как установка на эмпатию; чрезмерная гиперболизация отношения к обсуждаемой ситуации; гипертрофия оценочности при осуществлении речевого общения и стремление к мотивированному ситуацией или немотивированному «выяснению отношений».

6. Модели фатических кооперативных вопросно-ответных единств демонстрируют такие национально обусловленные иллокутивные доминанты, как установка говорящих на коммуникативное сотрудничество и обязательную эмпатию (умение встать на позицию собеседника); модели фатических конфликтных вопросно-ответных единств — национально обусловленные иллокутивные доминанты «выяснение отношений», когда оба собеседника озабочены лишь стремлением нанести коммуникативный ущерб друг другу; модели фатических манипулятивных вопросно-ответных единств — национально обусловленные иллокутивные доминанты, отражающие пренебрежение к рациональной стороне общения, что в целом присуще высококонтекстной культуре, стремление навязать свою позицию в форме, не предполагающей ее возможного обсуждения.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены в ряде научных статей, докладов и тезисов. Работа

прошла апробацию на международных научных конференциях: в Москве в 2016, 2017, 2018 и 2019 гг. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева), в Тамбове в 2016 г. (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина), в Коломне в 2016 г. (ГОУ ВО МО Государственный социально-гуманитарный университет), в Нижнем Новгороде в 2020 г. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова), в Орле в 2020 г. (Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева). Исследование обсуждалось на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и принятых сокращений, библиографического списка, который включает в себя два раздела: научная и научно-методическая литература; словари и энциклопедии — и содержит 262 наименования (включая 12 — на иностранных языках). Общий объем исследования — 244 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении представлены актуальность, объект, предмет и материал исследования, цель и задачи работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методологическая база и методы исследования, изложены положения, вынесенные на защиту.

В первой главе исследования «Теоретические основы изучения диалогической коммуникации в науке о языке» дана характеристика истории изучения вопроса в гуманитарном знании, исходных теоретических принципов и концептуальной базы исследования. **В разделе 1.1** освещается изучение диалогической коммуникации в историко-научном и в научно-теоретическом освещении; **в разделе 1.2** обсуждаются проблемы выделения и классификации единиц диалогического взаимодействия в целом и диалогич-

ческих единств в частности; **в разделе 1.3** раскрывается понятие реплики как структурного элемента диалогического единства; **в разделе 1.4** характеризуются языковые и паралингвистические средства речевой организации диалогического взаимодействия.

Во второй главе исследования «Методы комплексного лингвокультурологического анализа диалога и обоснование концепции исследования» освещаются существующие в науке о языке подходы к изучению диалога, разрабатывается принятая в работе методика комплексного лингвокультурологического анализа диалогического взаимодействия и обосновывается концепция исследования.

В разделе 2.1 обсуждаются основные методы изучения диалога в науке о языке; **в разделе 2.2** рассматривается проблема методологии и методики комплексного лингвокультурологического изучения национальной и культурной обусловленности диалогического взаимодействия; **в разделе 2.3** на основе осмысления уже сделанного в науке о языке в этой области обосновывается принятая концепция исследования.

Освещены структурно-семантические, функциональные, риторические, стилистические, лингвопрагматические, лингвопоэтические, коммуникативные и когнитивно-дискурсивные методы изучения диалога в современной науке о языке и освещены прикладные методы анализа диалога, такие как лингводидактические, корпусные, интен-аналитические, экспериментальные и лингвоэкспертные. На основе изучения существующих методов обоснована необходимость комплексного описания диалогического взаимодействия.

Изучение национально обусловленных моделей диалогической коммуникации предполагает лингвокультурологическую интерпретацию всего комплекса семантических, структурных, собственно языковых, коммуникативно-прагматических и когнитивно-дискурсивных свойств диалога: посредством лингвокультурологического инструментария мы можем увидеть, что на фоне универсальных общечеловеческих принципов ведения диалога имеются и национально обусловленные модели диалогической коммуникации,

которые отражают эмпирически заданный круг ключевых идей и представлений, присущий русской языковой картине мира согласно работам [Вежицкая 1997; Зализняк и др. 2005; Радбиль 2016 и др.].

В соответствии с приведенными выше теоретическими и методологическими соображениями мы можем обосновать принятую в работе концепцию исследования.

На предварительном этапе исследования осуществляется сбор материала. На основе Национального корпуса русского языка (НКРЯ), включая основной, мультимедийный и устный подкорпусы, формируем собственный подкорпус минимальных двучленных диалогических единств, который дополняется данными интернет-мониторинга автора (ИМ) и его собственными наблюдениями за живой разговорной речью (СНА).

На начальном этапе исследования осуществляется многоуровневая иерархическая классификация собранного материала. Сначала материал последовательно членится и характеризуется по структурно-семантическим и функциональным разновидностям. Затем каждому из типов приписывается соответствующая дискурс-аналитическая квалификация по характеру коммуникации — кооперативная или некооперативная (последняя, в свою очередь, подразделяется на конфликтную и манипулятивную).

На завершающем этапе даётся лингвокультурологическая интерпретация национально обусловленных моделей коммуникативной ситуации в целом, включая ее психолингвистические и когнитивно-дискурсивные характеристики, в плане их соотношения с обозначенными в нашем исследовании ранее «ключевыми идеями русской языковой картины мира».

В третьей главе исследования «Типы и функции национально обусловленных форм диалогического взаимодействия в русской речи» рассматриваются структурно-семантические, функциональные и прагматические типы национально обусловленных моделей фатических вопросно-ответных единств в фатической кооперативной и некооперативной (конфликтной и манипулятивной) коммуникации.

В разделе 3.1 анализируется структурно-семантическая типология национально обусловленных моделей вопросно-ответных единств в речевом взаимодействии. В соответствии с принятой концепцией исследования в разделе последовательно рассматриваются разновидности инициальных и ответных реплик, а также целостная структура диалогического взаимодействия с точки зрения функциональной согласованности ролей участников коммуникации и прагматической связности реплик диалога (соответственно, подразделы 3.1.1, 3.1.2 и 3.1.3 настоящего исследования).

В соответствии с классификацией вопросов на диктумные (диктальные), обращенные к запросу сведений об объективной реальности, и модусные (модальные), обращенные к запросу сведений о внутреннем состоянии адресата [Казаковская, Хохлова 2015], были выявлены следующие разновидности **инициальных реплик**.

Диктумные (диктальные) вопросы обращены к запросу сведений об объективной реальности. Выявлены вопросительные реплики **ситуативные**, обращенные к запрашиваемой информации о ситуации в целом: — *Нормально. А как твой Шекспир?* // — *Ой, сегодня было так прикольно! Костельцева такое отмочила!* (НКРЯ), — и вопросительные реплики **предикатно-актантные**, отражающие запрос по поводу того или иного фрагмента ситуации: целевые, причинные, локативные, темпоральные, посессивные, качественные, например: — *И сколько тебе лет?* // — *О, профессиональный вопрос сочинительницы любовных историй...* *Отвечаю по порядку* (НКРЯ).

Модусные (модальные) вопросы обращены к запросу сведений о внутреннем состоянии адресата. В обследованном материале представлены следующие их разновидности.

Модусные общие («да / нет»-вопросы), содержание которых представляет собой «требование подтвердить или опровергнуть высказанное предположение о соответствующем компоненте исходного высказывания; иными словами, это требование выразить согласие / несогласие и / или верифицировать истинность выдвигаемой гипотезы» [Казаковская, Хохлова 2015: 410–411]:

— *Хочу, чтобы ты отомстил этому зверю, хотя неволить не могу. Сам-то как думаешь?* // Павел порывисто сжал сухую руку собеседника. — *Это я для себя ещё мальчишкой решил* (НКРЯ).

Модусные частные («кто / что»-вопросы), которые «требуют в ответе новой информации — сведений о предметах, признаках, обстоятельствах. Эта информация расширяет знания спрашивающего, сообщая о том, что не содержится в вопросе» [Казаковская, Хохлова 2015: 411]: — *Но я теперь знаю.* // — **Что ты знаешь?** // — *Про тебя. Про тебя и вашу Великую Мышь* (НКРЯ).

Также модусные вопросы подразделяются **по типу модуса** [Арутюнова 1996] на ментальные (эпистемические): — *Это уже интересно. Как полагаешь?* // — *Так и полагаю. Затем и Глеба послал* (НКРЯ); эмотивные: — *И что ты чувствуешь?* // — *Больно!* — кричала мама (НКРЯ); перцептивные: — *Алло! Ты меня слышишь?* // — *Я тебя не слышу. Я даже видеть тебя перестал...* (НКРЯ); волитивные (желание и волеизъявление / необходимость): — **Что ты хочешь получить взамен?** // — *Я скажу, чего я не хочу получить, великий хан* (НКРЯ); собственно-речевые, направленные на интерпретацию речи собеседника [Гак 1978]: — *И что ты сказал?..* // — *А что на это скажешь?..* (НКРЯ).

Вообще говоря, для фатической коммуникации характерно преобладание модусных вопросов над диктумными, что в принципе отвечает самой сути фатической (т.е. «неинформативной») коммуникации. Об этом свидетельствуют и данные количественного анализа, представленные в таблице — всего в собранном материале имеется 1008 единств:

Табл. 3.1.

Распределение частоты встречаемости вопросительных реплик по характеру запрашиваемой информации

Типы вопросительных реплик	Кол-во	%
1. Диктумные	406	40,3
1.1. Ситуативные	112	11,1
1.2. Предикатно-актантные	294	29,2
2. Модусные	602	59,7
2.1. Модусные общие	216	21,4
2.2. Модусные частные	386	38,3
Итого:	1008	100

В соответствии с другой классификацией вопросов по характеру иллокутивной силы [Ремизова 2001: 156–157 и др.] в обследованном материале на основании различения прямых и косвенных вопросов выделяются следующие виды инициальных вопросительных реплик.

Прямые вопросы (для которых в том или ином виде полностью или частично сохраняется иллокутивная сила вопросительности — запрос на получение информации): справочный вопрос (о необходимости получить информацию); уточняющий вопрос; вежливый вопрос (о состоянии или намерениях собеседника), экзаменуемый вопрос (ответ на который спрашивающему известен заранее), агрессивный вопрос (провоцирующий или развивающий конфликт), например: — *Ты идиот или притворяешься?* // *Что тут идиотского может быть?* (ИМ).

Косвенные вопросы (для которых при сохранении вопросительной формы высказывания иллокутивная сила вопросительности элиминируется и меняется на другую): вопрос-утверждение (риторический вопрос); вопрос-предложение; вопрос-приглашение; вопрос-намерение; вопрос-извинение; вопрос-побуждение (просьба, пожелание, запрет, требование и пр.); вопрос-упрек; вопрос-злопожелание; вопрос-угроза, например: — *Вы хорошо подумали? Ваш выбор может иметь для вас самые серьезные последствия...* // — *Вы — эгоист, Лева,* — усмехается Гвоздилова (НКРЯ).

Количественный анализ показал примерно равное количество прямых и косвенных вопросов, что отражено в соответствующей таблице:

Табл. 3.2.

Распределение частоты встречаемости вопросительных реплик по характеру выражения иллокутивной силы

Типы вопросительных реплик	Кол-во	%
1. Прямые вопросы	486	48,2
2. Косвенные вопросы	522	51,8
Итого:	1008	100

В большинстве случаев характер ответных реакций на косвенные вопросы, так же как и на прямые вопросы, в целом вписывается в круг очерченных выше национально обусловленных моделей коммуникации: они апеллируют к контексту и к ситуации общения, к общему фонду знаний говорящего и адре-

сата, т.е. эксплуатируют невербализованные компоненты смысла в прагматике речевого взаимодействия.

Анализ ответных реплик показал следующие результаты. В случае интересующей нас фатической коммуникации ответные реакции собеседников представляют собой крайне разнообразный набор речевых тактик, которые так или иначе отражают условия диалогического взаимодействия, характер взаимоотношений между говорящим и адресатом, их интенциональные состояния и пр.

По характеру иллокутивной силы в реакции отвечающего на коммуникативную направленность и / или содержание вопроса [Валюсинская 1979; Галактионова 1988; Винокур Т. 1998 и др.] в обследованном материале представлены ответные реплики следующих типов: реплики - стандартные ответы (общие (да / нет), простые (неполные), развернутые [Косогорова 2006]); реплики - вежливые ответы (в соответствии с этикетом); реплики-переспросы; реплики-повторы (полные или структурно трансформированные); реплики-допущения; реплики-противоречия; реплики-возражения; реплики-опровержения; реплики-отказы; реплики-согласия (полные или частичные); реплики-несогласия (полные или частичные); реплики-добавления; реплики-уточнения (в отличие от добавлений, не содержат новой добавочной информации, а являются трансформацией исходной информации в иницилирующей реплике); реплики-оценки; реплики, сопровождающие тему; реплики, переводящие тему в другую плоскость; реплики отказа от коммуникации; реплики конфликтные (вербально-агрессивные); умышленное молчание, например: — *Ты её любишь?! — воскликнула я. Он ничего не ответил. Но я понимаю: разговаривать с ним бесполезно* (НКРЯ).

По полноте передаваемой в ответной реплике информации [Ремизова 2001: 156–157] в обследованном материале представлены следующие реплики: достаточно информативные; избыточно-информативные; недостаточно-информативные; неинформативные, например: — *Как считаешь, Макс? //* —

Что я могу сказать... — отозвался Борисов (НКРЯ) (в ответе не предоставляется запрашиваемая информация).

Для фатической коммуникации в ответных репликах чаще всего информации либо больше, либо меньше, или предоставляется информация, которая не соответствует запрашиваемой. Об этом свидетельствуют и данные количественного анализа, представленные в таблице.

Табл. 3.3.

Распределение частоты встречаемости ответных реплик по полноте представленной информации

Типы ответных реплик	Кол-во	%
1. достаточно информативные	148	14,7
2. избыточно информативные	276	27,4
3. недостаточно информативные	382	37,9
4. неинформативные	202	20,0
Итого:	1008	100

Это вполне соответствует тенденции, согласно которой модели русской живой разговорной диалогической речи редко направлены на выяснение истинного положения вещей, так как приоритетом для собеседников выступают межличностные отношения.

По характеру соответствия ответной реплики иллокутивной силе иницирующей реплики [Ремизова 2001: 156–157] в обследованном материале представлены следующие реплики: полностью соответствующие интенции иницирующей реплики; частично соответствующие интенции иницирующей реплики; не соответствующие интенции иницирующей реплики: *Запретив себе злиться среди такой красоты, Мира устало вздохнула: — Слушай, что ты от меня хочешь? // — **Ничего**, — отрезал Эви. — **Я есть хочу*** (НКРЯ), — отвечающий вместо требуемой в вопросе вербализации своей коммуникативной позиции по отношению к говорящему озвучивает информацию о своем собственном физическом состоянии голода. Это речевая тактика ухода от коммуникации.

По нашим наблюдениям, в обследованном материале по фатической коммуникации ответные реплики, полностью соответствующие интенции иницирующей реплики, представлены в меньшем объеме, чем ответные реп-

лики, частично соответствующие интенции иницирующей реплики или соответствующие интенции иницирующей реплики. Это можно видеть в следующей таблице.

Табл. 3.4.

Распределение частоты встречаемости ответных реплик по характеру соответствия иллокутивной силе иницирующей реплики

Типы ответных реплик	К-во	%
1. полностью соответствующие интенции иницирующей реплики	268	26,6
2. частично соответствующие интенции иницирующей реплики	414	41,1
3. не соответствующие интенции иницирующей реплики	326	32,3
Итого:	1008	100

Количественный анализ в целом подтверждает выявленную ранее тенденцию, согласно которой для моделей русской живой разговорной диалогической речи характерна «псевдо-иллокутивная вынужденность» [Радбиль 2017]. Имеется в виду, что вынужденность реплик в подобных единствах определяется не содержанием и не условиями коммуникации, а культурными конвенциями фатического взаимодействия.

Все обнаруженные выше тенденции наиболее ярко обнаруживаются при **анализе вопросно-ответных единств как коммуникативно-прагматического целого. Прагматические типы** диалогического взаимодействия в вопросно-ответных единствах могут быть: *иллокутивно независимыми* (назначение их определяется интенциями самого говорящего) и *иллокутивно зависимыми* (их назначение определяется иллокутивным назначением какой-либо предшествующей реплики) [Баранов, Крейдлин 1992а: 84–99]. Оба вида возможны как в прямом, так и в косвенном речеактовом режиме.

Выявлены следующие **иллокутивно зависимые вопросно-ответные единства**: (а) в режиме прямого диалогического взаимодействия: «вопрос» — «информативный ответ»; «вопрос» — «подхват»; «вопрос» — «переспрос», «вопрос» — «повтор»; «вопрос» — «добавление»; «вопрос» — «уточнение»; «вопрос» — «согласие» / «несогласие»; «вопрос» — «подтверждение»; «вопрос» — «обязательство»; «вопрос» — «отказ»; «вопрос» — «возражение»; «вопрос» — «опровержение»; (б) в режиме косвенного диалогического взаимодействия: «вопрос-предложение» — «согласие / несогласие»;

«вопрос-совет» — «согласие / несогласие»; «вопрос-приглашение» — «благодарность / вежливый отказ»; «вопрос-намерение» — «согласие / несогласие»; «вопрос-извинение» — «принятие извинения»; «вопрос-побуждение (просьба, пожелание, запрет, требование и пр.)» — «согласие / отказ».

Выявлены следующие **иллокутивно независимые вопросно-ответные единства**: (а) в режиме прямого диалогического взаимодействия: «вопрос» — «необусловленное вопросом сообщение»; «вопрос» — «вопрос»; «вопрос» — «побуждение»; «вопрос» — «эмоциональная реакция»; «вопрос» — «уход от темы»; «вопрос» — «отказ от продолжения коммуникации»; «вопрос» — «агрессивная / конфликтная реакция»; «вопрос» — «прекращение коммуникации»; (б) в режиме косвенного диалогического взаимодействия: «вопрос-утверждение (риторический вопрос)» — «утверждение / вопрос»; «вопрос-предложение» — «отказ / негативная эмоциональная реакция»; «вопрос-совет» — «отказ / негативная эмоциональная реакция»; «вопрос-приглашение» — «сообщение / побуждение»; «вопрос-намерение» — «сообщение»; «вопрос-побуждение (просьба, пожелание, запрет, требование и пр.)» — «отказ / негативная эмоциональная реакция»; «вопрос-упрек» — «негативная эмоциональная реакция»; «вопрос-угроза» — «согласие / вопрос / сообщение»; «вопрос-злопожелание» — «согласие / вопрос / сообщение».

Ещё одна классификация вопросно-ответных единств связана с типами прагматической связности, которые были выделены Е.В. Падучевой:

(1) явления согласования / рассогласования реплик по иллокутивной функции: (а) с иллокутивной силой инициального вопроса согласуется иллокутивная сила не эксплицированной части ответной реплики, а пресуппозиции или импликации; (б) реальная иллокутивная сила ни инициального вопроса, ни ответной реплики не является вопросительной, т.е. в импликации обе реплики являются согласованными по пропозициональной части утверждениями: — *Как, и это все?* — *недоуменно глядя на коробку, спросил посетитель.* // — *А что еще-то?* (НКРЯ). — Здесь и первый, инициальный, вопрос является положительным утверждением о недостаточном количестве

чего-то (= 'Этого мало'), и второй, реактивный, вопрос является утверждением (= 'По-моему, достаточно'), согласованным по пропозициональному содержанию с первым.

(2) Связь реплики с условиями успешности [Серль 1985а и 1985б] предшествующего речевого акта, минуя содержание высказывания: (а) вопросно-ответные единства с ответными репликами, обращенными к условию искренности 'Говорящий (Г) хочет иметь информацию'; (б) вопросно-ответные единства с ответными репликами, обращенными к предварительному условию 'Г не знает ответа': — *Что-то произошло? // — А ты разве не знаешь?* (НКРЯ). — Здесь вместо ответа слушающий утверждает, что говорящему известна запрашиваемая информация (= 'Ты на самом деле знаешь, что произошло');

(3) Направленность реплики на презумпцию (пресуппозицию) предшествующего высказывания, когда ответная реплика содержит информацию, относящуюся не к эксплицированной части пропозиции вопроса, а к его пресуппозиционному компоненту: (а) реакция на семантическую пресуппозицию, вытекающую из семантики слов в высказывании говорящего: — *А что, ты собираешься диссертацию писать? // — Да мне еще учиться сколько...* — *Сережа махнул рукой* (НКРЯ). — Здесь в ответной реплике отвечающий реагирует не на содержание вопроса ('собираешься или не собираешься писать диссертацию'), а на пресуппозицию ('чтобы писать диссертацию, надо много знать и, следовательно, много учиться'); (б) реакция на прагматическую пресуппозицию, которая вытекает из информации, известной адресату и говорящему из предыдущего контекста или из общеизвестной информации, по мнению отвечающего;

(4) Связь реплик, устанавливаемая на основе обращения к имплицатурам дискурса: (а) обращение к имплицатурам дискурса, основанным на буквальной интерпретации алогизма или противоречия: — *Блаженным считаешь или шизиком?* // — *Так ведь я ж тебе не жена!* (НКРЯ). — Здесь эксплуатируется имплицатура 'Только жена должна интересоваться твоим

ментальным состоянием, у меня нет такого права и желания»; (б) обращение к имплицатурам дискурса, основанным на небуквальной интерпретации тавтологии: — *Что ты хочешь сказать?* // — *А ты что хочешь сказать?* — *фыркнула Тилли* (НКРЯ). — Здесь эксплуатируется имплицатура 'Я не понимаю, что ты от меня хочешь'.

В разделе 3.2 представлена функциональная типология вопросно-ответных единств в аспекте национальной и культурной специфики, которые по этому основанию делятся на два класса — **регулятивные** и **организационные (метакоммуникативные)** типы речевых взаимодействий [Иванова, 1999; Викторова, 2014] (соответственно, подразделы 3.2.1 и 3.2.2). В целях предпринятого исследования отдельно рассматривается класс «псевдотавтологических» вопросно-ответных единств, объединяющих регулятивную и метакоммуникативную функции (раздел 3.2.3).

Вопросно-ответные единства **регулятивного типа** характеризуются иллокутивно зависимой / независимой реакцией адресата трех типов:

(1) реакции на **иллокутивную силу вопроса** очень разнообразны и широко представлены в обследованном материале. Чисто формально их можно классифицировать на реакции: (а) *вопросительного типа* (ответ вопросом на вопрос): — *Ты мне не веришь?* // — *Как тебе не верить?* (НКРЯ). — Здесь под видом ответного вопроса содержится утвердительное суждение — возражение 'Я тебе верю'; (б) *невопросительного типа* (информативный / неинформативный ответ, согласие, несогласие, эмоциональная оценка и пр.); например, употребление слова *ничего* в значении 'ни хорошо, ни плохо': — *Хорошо учишься?* // — *Ничего* (НКРЯ);

(2) реакции на **пропозициональное содержание вопроса** также очень разнообразны и также могут быть: (а) вопросительными, когда содержание ответа включает реакцию не на иллокутивную силу вопроса (*Почему? Как? Зачем?* и пр.), а на содержание пропозиции или ее части: — *Ганин... Почему ты мне не звонил?* // — *Я? Я тебе звонил...* (НКРЯ). — Здесь отвечающий предоставляет информацию не о запрашиваемой в вопросе причине отсутст-

вия звонка, а о том, что это звонок на самом деле был им осуществлен (реакция на фрагмент пропозиции 'ты мне не звонил'); (б) невопросительными: — *Что молчишь?* // — *Я не молчу*, — ответил Саид (НКРЯ). — Отвечающий предоставляет информацию не о запрашиваемой причине молчания, а о том, что состояние молчания отсутствует: это реакция на предикат пропозиции в вопросе — *молчишь*, а не на сам вопрос *Что* (в значении *Почему*);

(3) реакции на имплицитные компоненты вопроса или ситуации в целом: (а) реакция ответной реплики на условия **успешности вопроса**: на условие искренности 'Г искренне хочет получить информацию': — *Почему ты мне не сказал?* // — *Зачем?* // У Веты внутри все застыло (НКРЯ) (сомнение в целесообразности предоставления запрашиваемой информации); на предварительное условие 'Г не знает ответа': — *А что такое ОСО?* // — *Как? Вы и этого не знаете?* — поднял голову Буддо. — *Какой же вы научный работник!* (НКРЯ); (б) реакция ответной реплики на **пресуппозиционный или ситуационный фон** инициального вопроса, обращенная к предыдущему контексту или к общему фонду знаний говорящего и слушающего: — *Почему ты появляешься лишь когда мне плохо?..* // — *Когда тебе хорошо, с тобой скучно. Ты такой глупый...* — она хихикнула (НКРЯ) (реакция на пресуппозицию вопроса '(ты приходишь, когда) мне бывает плохо'); (в) реакция ответной реплики, эксплуатирующая имплицатуры дискурса: — *Что тебе надо?* — спросила Агриппина. // — *А что тебе надо?* (НКРЯ) (из тавтологии выводится реакция недовольства: 'Ты не лучше и не выше меня → Ты не можешь меня спрашивать о моих намерениях, пока не рассказал мне о своих намерениях, → У тебя нет такого права, с моей точки зрения').

Вопросно-ответные единства **метакоммуникативного типа** характеризуются иллокутивно зависимой / независимой реакцией «выхода на метаровень», когда отвечающий реагирует на саму словесную форму вопроса, т.е. вербализует эксплицитное указание на сам факт говорения, на вопрос или на ответ. В нашем материале выявлено три типа указанных вопросно-ответных единств: (1) в ответной реплике вербализуется иллокутивная сила инициаль-

ной реплики: — *Ты хочешь передо мной оправдаться, а заодно и вылечить-ся?* // — *Спрашиваешь...* (НКРЯ); — *Трудно тебе пришлось?* // — *И не спрашивай* (СНЯ); — *Кто?* // — *Он еще спрашивает!* (НКРЯ); (2) в ответной реплике вербализуется иллюкутивная сила самой ответной реактивной реплики: — *И где?* // — *Извольте, Вика, отвечу* (НКРЯ); — *Ты уверен?* // — *Мой ответ тебе известен*, — глядя в стену, сказал Арс (ИМ); — *А ты с чем живешь?* // — *Я тебе на это не отвечу...* (НКРЯ); (3) в ответной реплике вербализуется наличие самого факта говорения со стороны инициатора диалога: — *Так ты один?* // — *Скажешь тоже!* (НКРЯ); — *Почему?* // — *Ну что тут говорить...* (НКРЯ); — *Что ж, отказали вам?* — спросил я, заранее зная ответ. // — *И не говори!* — огорченно воскликнул он (НКРЯ).

Чаще всего указанные модели выражают национально-обусловленные диалогические стратегии нежелания или невозможности продолжать коммуникацию в силу обоюдной самоочевидности информации, которой обмениваются участники диалога, или ее прагматической неуместности в данной ситуации — и сопутствующие этой установке разнообразные позитивно- или негативно оценочные реакции.

В работе выделен особый функциональный тип синкретичных «псевдо-тавтологических» вопросно-ответных единств, которые совмещают в себе регулятивную и метакоммуникативную функцию: в них ответная реплика на внешнем, языковом уровне либо повторяет (полностью или частично) какой-либо словесный фрагмент предыдущей реплики, либо отражает какой-либо иной вид языковой избыточности: — *Ты откуда здесь взялся?* // — *Оттуда...* (СНА); — *Куда ты собрался?* // — *Да все туда же...*: (СНА).

В нашем материале представлены следующие разновидности фатических псевдо-тавтологических вопросно-ответных единств: (1) ответная реплика по форме соответствует инициальной вопросительной (лексически и / или грамматически, фонетически и пр. типа *куда — туда, кто — что* и пр.): (а) единства *иллюкутивно-независимые* (вопрос — вопрос, вопрос — сообщение или побуждение и пр.): — *И зачем тебе меня такую видеть?* // — *А*

какую я тебя еще могу увидеть? (НКРЯ); — *Как, и это все?* — недоуменно глядя на коробку, спросил посетитель. // — *А что еще-то?* (НКРЯ); (б) единства **иллокутивно-зависимые** (вопрос — ответ): — *Как достали? Откуда?* // — *Откуда, откуда... Да все оттуда же* (НКРЯ); — *Ну что вызывает у вас сомнения?* // — *Да все то же,* — сказал Гуров (НКРЯ); (2) ответная реплика по форме повторяет инициальную вопросительную реплику — полностью или частично: (а) единства **иллокутивно-независимые** (вопрос — вопрос, вопрос — сообщение или побуждение и пр.): — *Ты мне не веришь?* // — *Как тебе не верить?* (НКРЯ); — *Что ты об этом думаешь?* // — *А что я могу думать?* (НКРЯ); (б) единства **иллокутивно-зависимые** (вопрос — ответ): — *Правильно кровь остановили?* // — *Правильно кровь остановили* (НКРЯ); — *Что молчишь?* // — *Я не молчу,* — ответил Саид (НКРЯ).

Говорящие в этих случаях не столько обсуждают объективную содержательную сторону коммуникации (которая по умолчанию им известна или не представляет интереса), сколько озабочены поддержанием самого процесса речевого взаимодействия, выяснением позиций друг друга, отношения к ситуации или друг к другу, т.е. взаимопониманием. Мы можем говорить и о проявлении национально обусловленной речеповеденческой установки на **эмпатию** как личностной вовлеченности в коммуникацию, сочувственного приятия позиции собеседника и пр. [Вежбицкая 1997; Радбиль 2017 и др.].

В разделе 3.3 анализируются национально обусловленные модели вопросно-ответных единств в разных видах диалогического дискурса — в фатической кооперативной и в фатической некооперативной коммуникации; последняя, в свою очередь, подразделяется на конфликтную (вербально-агрессивную) и манипулятивную (соответственно, подразделы 3.3.1, 3.3.2 и 3.3.3 настоящей работы).

Вопросно-ответные единства в фатической кооперативной коммуникации предполагают установку говорящих на коммуникативное сотрудничество, согласование иллокуций и коммуникативных ролей. Участники диалога словно разыгрывают партию с ходами, вызванными предыдущими

ходами, каждый имеет свою стратегию, но в целом они стремятся к достижению взаимопонимания на каждом этапе коммуникативного сотрудничества: — *Да никакого ехидства. Я уважаю твою позицию.* // — *Правда?* // — *Конечно* (НКРЯ). Они отражают такую национально-обусловленную установку, как 'наличие добрых чувств по отношению друг к другу' (А. Вежбицкая), что позволяет опускать в невербализованную сферу коммуникации значительный блок ее объективного содержания: — *Ну, как там у вас?* // — *Все путем* (НКРЯ).

Вопросно-ответные единства в фатической некооперативной конфликтной коммуникации в целом можно отнести к такой национально обусловленной модели, как «выяснение отношений», когда собеседники, вместо того чтобы обсуждать суть возникшей проблемы, переходят на личности.

В нашем материале представлено три типа конфликтных вопросно-ответных единств по характеру источника вербально-агрессивного поведения: (1) **инициативная вербальная агрессия в фатических некооперативных вопросно-ответных единствах** (вопросы, которые сами по себе задают конфликтную иллюкутивную доминанту независимо от того, поддерживает ли отвечающий установку на конфликт или нет): — *Ты глухой, что ли? Куда тебе ехать?!* // — *Я не поеду,* — тихо сказал пацан (НКРЯ); такие вопросы не предполагают вообще никакого ответа кооперативного типа, и единственной неагрессивной стратегией ухода от конфликта является молчание, отказ от коммуникации: — *Ты понимаешь, что я говорю? Ты понимаешь, что я сказать хочу?* // *Он понимал* (НКРЯ); (2) **реактивная вербальная агрессия в фатических некооперативных вопросно-ответных единствах** (реакция отвечающего не мотивирована инициативной агрессией спрашивающего): — *Мне горячо, можно я выкину свечку?* // — *Только попробуй!* (НКРЯ); — *Ты что-то еще хочешь спросить?* // *С чего ты взяла?* — удивился Стась (НКРЯ); (3) **взаимная (интерактивная) вербальная агрессия в фатических некооперативных вопросно-ответных единствах**: — *Да что случилось?!* *Говори же, черт тебя дер.* // — *Будто сам не знаешь?* (НКРЯ); —

С ума сошла? // — *Сам дурак* (НКРЯ); — *Вы что, самоубийцы?* // — *Заткнись!* (НКРЯ) — объективная сторона речевого общения сведена к минимуму: оба собеседника озабочены лишь стремлением нанести коммуникативный ущерб друг другу.

Вопросно-ответные единства в фатической манипулятивной коммуникации в нашем исследовании возможны двух типов: (1) **разнообразные коммуникативные стратегии ухода от обсуждения «неудобной» для отвечающего темы**, которые выражаются в смене затрагиваемой в вопросе темы, отказе говорить на указанную тему, ответной реакции, демонстративно не связанной с обсуждаемой темой, нежелание продолжать коммуникацию, умышленном молчании и пр.: — *И сколько тебе не хватает денег?* — *горячо спросила она.* // — *Что об этом толковать?!* (НКРЯ); — *Разве в Ленинграде ты пошел бы на танцы в лыжных ботинках?* // — *Молчу, молчу, патриот круглогорский!* (НКРЯ); (2) **приемы и средства «речевой демагогии»** [Булыгина, Шмелев 1997]:, например, манипуляции с пресуппозицией: — *Кого бы ты хотел играть?* // — *Разве ты не знаешь, кого!* (НКРЯ) (отвечающий перекладывает ответственность на спрашивающего); «игра нерелеванциальной неоднозначности»: — *Как ты мог жениться на старухе?* — *визжала третья жена, потроша Васиной альбомы.* // — *Она не была старухой* (НКРЯ); выбор манипулятивной стратегии *de re* вместо объективной *de dicto* («перетолкование вопроса в интересах отвечающего»): — *И зачем тебе меня такую видеть?* // — *А какую я тебя еще могу увидеть?* (НКРЯ).

Распространенность универсальных манипулятивных моделей коммуникации именно в русской речевой практике можно трактовать как проявление особенностей высококонтекстной культуры в свете известного пренебрежения к рациональной стороне общения. Также можно отметить и тяготение к определенной безапелляционности, при которой адресату достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения и мнения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

В заключении изложены основные результаты исследования и сформулированы его дальнейшие перспективы. В целом проведенный анализ позволил установить наличие в рассмотренных моделях диалогического взаимодействия таких признаков национально обусловленной коммуникации, как установка на эмпатию; чрезмерная гиперболизация в языковой концептуализации обсуждаемой ситуации; гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при осуществлении речевого общения («моральная страстность», по А. Вежбицкой); соотнесенность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом и стремление к мотивированной ситуацией или немотивированному «выяснению отношений».

Предложенное в работе описание национально обусловленных моделей фатических вопросно-ответных единств не может быть исчерпывающим в силу крайне обширного объема и весьма значительного качественного разнообразия языкового материала. Это открывает перспективы для дальнейшего исследования, которые связаны с возможным расширением текстовой базы исследования за счет комплексного анализа диалогических единств других типов — информирующих (*сообщение — сообщение (согласие / несогласие)*), побудительных (*побуждение — реакция на побуждение*), эмотивных, формульно-этикетных и др.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

А. Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК и / или индексируемых в международной базе данных научного цитирования Web of Science:

1. Кузнецов И.А. Псевдотаавтологические вопросно-ответные единства в русской диалогической речи: к проблеме национальной обусловленности моделей фатической коммуникации / И. А. Кузнецов // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 78—96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-78-96 (также индексируется в международной базе данных научного цитирования **Web of Science**).

2. Кузнецов И.А. Национально-обусловленные модели диалогической коммуникации в современной русской речи: к проблеме комплексного лингвокультурологического описания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2020. — № 2. — С. 274—279.

3. Кузнецов И.А., Кузнецова Т.И. Коммуникативное содержание вопросно-ответного диалога // Когнитивные исследования языка. — 2016. — № 25. — С. 1031–1037.

4. Кузнецов И.А., Кузнецова Т.И. Вопросно-ответный диалог: лингвистическая форма и коммуникативное содержание // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2016. — № 2 (177). — С. 83–91.

5. Кузнецова Т.И., Марченко А.Н., **Кузнецов И.А.,** Аристов В.М. Профессиональный диалект или специальный язык: проблемы обучения иноязычной профессиональной разговорной речи // Филология и культура. — 2016. — № 1 (43). — С. 277–283.

Б. Публикации в других научных изданиях:

6. Кузнецов И.А. О переводе интернационализмов // Перевод и переводоведение в сфере науки и практики: Мат-лы XIII Международного конгресса молодых ученых. — М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2017. — Т. XXXI. — № 14. — С. 65–68.

7. Кудряшов Л.В., Кузнецов И.А. Алгоритм формирования и развития иноязычной коммуникативной компетенции // Среднее профессиональное образование. — 2016. — №5. — С. 34–38.

8. Кузнецов И.А. Об аспектах иноязычного обучения профессиональной разговорной речи: Языки и культуры в современном мире: Сб. научн. трудов по мат-лам XII Международной конференции НОПРИЛ (30 марта – 02 апреля 2016 г.). — Коломна: ГОУ ВО МО Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. — С. 31–32.